

В.И. Ленин

В.И. ЛЕНИН

**Уроки
МОСКОВСКОГО
ВОССТАНИЯ
На дорогу**

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В.И.ЛЕНИН

**Уроки
МОСКОВСКОГО
ВОССТАНИЯ
На дорогу**

Москва
Издательство
политической литературы
1983

11.55

У71

Ленин В. И.

У71 Уроки московского восстания; На дорогу.—
М.: Политиздат, 1983.—23 с.

Работа «Уроки московского восстания» посвящена вопросам организации и тактики вооруженного восстания. Анализируя конкретные события вооруженной борьбы в декабре 1905 г., В. И. Ленин вскрывает источники силы и слабости московского восстания, делает важные теоретические обобщения и практические выводы.

В статье «На дорогу» Владимир Ильич подвел итоги работы V Общероссийской конференции РСДРП (1908 г.), которая, как он указывал, дала правильное решение задачи соотношения нелегальной и легальной работы большевистской партии.

11.55+63.3(2)522+63.3(2)523+66.61(2)253+66.61(2)254
ЗК23+ЗКП1-3+ЗКП1-4+9(С)173+9(С)176

Л 0101020000—421
079(02)—83 63—83

УРОКИ МОСКОВСКОГО ВОССТАНИЯ

Книга: «Москва в декабре 1905 г.» (М. 1906) вышла в свет как нельзя более своевременно. Усвоение опыта декабрьского восстания — насущная задача рабочей партии. К сожалению, эта книга — бочка меда с ложкой дегтя: интереснейший, несмотря на его неполноту, материал — и выводы невероятно неряшливые, невероятно пошлые. Об этих выводах мы поговорим особо *, а теперь обратимся к современной политической злобе дня, к урокам московского восстания.

Главной формой декабрьского движения в Москве была мирная забастовка и демонстрации. Громадное большинство рабочей массы активно участвовало только в этих формах борьбы. Но именно декабрьское выступление в Москве показало воочию, что всеобщая стачка, как самостоятельная и главная форма борьбы, изжила себя, что движение с стихийной, неудержимой силой вырывается из этих узких рамок и порождает высшую форму борьбы, восстание.

Все революционные партии, все союзы в Москве, объявляя стачку, сознавали и даже чувствовали неизбежность превращения ее в восстание. Было постановлено 6 декабря Советом рабочих депутатов «стремиться перевести стачку в вооруженное восстание». Но на самом деле все организации были не подготовлены к это-

---

* См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 388—392. *Ред.*

му, даже коалиционный Совет боевых дружин¹ говорил (9-го декабря!) о восстании, как о чем-то отдаленном, и уличная борьба, несомненно, шла через его голову и помимо его участия. Организации *отстали* от роста и размаха движения.

Забастовка вырастала в восстание, прежде всего, под давлением объективных условий, сложившихся после октября. Правительство нельзя уже было застигнуть врасплох всеобщей стачкой, оно уже организовало готовую к военным действиям контрреволюцию. И общий ход русской революции после октября, и последовательность событий в Москве в декабрьские дни поразительно подтвердили одно из глубоких положений Маркса: революция идет вперед тем, что создает сплоченную и крепкую контрреволюцию, т. е. заставляет врага прибегать к все более крайним средствам защиты и вырабатывает таким образом все более могучие средства нападения².

7-е и 8-е декабря: мирная забастовка, мирные демонстрации масс. 8-го вечером: осада Аквариума³. 9-го днем: избиение толпы драгунами на Страстной площади. Вечером — разгром дома Фидлера⁴. Настроение поднимается. Уличная, неорганизованная толпа совершенно стихийно и неуверенно строит первые баррикады.

10-е: начало артиллерийской стрельбы по баррикадам и по улицам в толпу. Постройка баррикад становится уверенной и не единичной уже, а безусловно массовой. Все население на улицах; весь город в главных центрах покрывается сетью баррикад. Развертывается в течение нескольких дней упорная партизанская борьба дружинников с войсками, борьба, истомившая войска и заставившая Дубасова молить о подкреплениях. Лишь к 15-му декабря перевес правительственных сил стал полным, и 17-го семеновцы разгромили Пресню, последний оплот восстания.

От стачки и демонстраций к единичным баррикадам. От единичных баррикад к массовой постройке баррикад и к уличной борьбе с войском. Через голову организаций массовая пролетарская борьба перешла от стачки к восстанию. В этом величайшее историческое приобретение русской революции, достигнутое декабрем 1905 года, — приобретение, купленное, как и все предыдущие, ценой величайших жертв. Движение поднято от

всеобщей политической стачки на высшую ступень. Оно заставило реакцию дойти *до конца* в сопротивлении и тем приблизило в гигантской степени тот момент, когда революция тоже дойдет до конца в применении средств наступления. Реакции *некуда* идти дальше артиллерийского расстрела баррикад, домов и уличной толпы. Революции есть еще куда идти дальше московских дружинников, очень и очень есть куда идти и вширь и вглубь. И революция ушла далеко вперед с декабря. Основа революционного кризиса стала неизмеримо более широкой, — лезвие должно быть отточено теперь острее.

Перемену в объективных условиях борьбы, требовавшую перехода от стачки к восстанию, пролетариат почувствовал раньше, чем его руководители. Практика, как и всегда, шла впереди теории. Мирная стачка и демонстрации сразу перестали удовлетворять рабочих, спрашивавших: что же дальше? — требовавших более активных действий. Директива строить баррикады пришла в районы с громадным опозданием, когда в центре уже строили баррикады. Рабочие массами взялись за дело, но *не удовлетворились и им*, спрашивали: что же дальше? — требовали активных действий. Мы, руководители с.-д. пролетариата, оказались в декабре похожими на того полководца, который так нелепо расположил свои полки, что большая часть его войска не участвовала активно в сражении. Рабочие массы искали и не находили директив относительно активных массовых действий.

Таким образом, нет ничего более близорукого, как подхваченный всеми оппортунистами взгляд Плеханова, что нечего было начинать несвоевременную стачку, что «не нужно было браться за оружие». Напротив, нужно было более решительно, энергично и наступательно браться за оружие, нужно было разъяснять массам невозможность одной только мирной стачки и необходимость бесстрашной и беспощадной вооруженной борьбы. И теперь мы должны, наконец, открыто и во всеуслышание признать недостаточность политических забастовок, должны агитировать в самых широких массах за вооруженное восстание, не прикрывая этого вопроса никакими «предварительными ступенями», не набрасывая никакого флера. Скрывать от масс необходимость

отчаянной, кровавой, истребительной войны, как непосредственной задачи грядущего выступления, значит, обманывать и себя, и народ.

Таков первый урок декабрьских событий. Другой урок касается характера восстания, способа ведения его, условий перехода войск на сторону народа. У нас в правом крыле партии сильно распространен крайне односторонний взгляд на этот переход. Нельзя, дескать, бороться против современного войска, нужно, чтобы войско стало революционно. Разумеется, если революция не станет массовой и не захватит самого войска, тогда не может быть и речи о серьезной борьбе. Разумеется, работа в войске необходима. Но нельзя представлять себе этот переход войска в виде какого-то простого, единичного акта, являющегося результатом убеждения, с одной стороны, и сознания, с другой. Московское восстание наглядно показывает нам шаблонность и мертвенность такого взгляда. На деле неизбежное, при всяком истинно народном движении, колебание войска приводит при обострении революционной борьбы к настоящей *борьбе за войско*. Московское восстание показывает нам именно самую отчаянную, самую бешеную борьбу реакции и революции за войско. Дубасов сам заявил, что только 5 тысяч московского войска из 15 надежны. Правительство удерживало колеблющихся самыми разнообразными, самыми отчаянными мерами: их убеждали, им льстили, их подкупали, раздавая часы, деньги и т. п., их спаивали водкой, их обманывали, их запугивали, их запирали в казармы, их обезоруживали, от них выхватывали предательством и насилием солдат, предполагаемых наиболее ненадежными. И надо иметь мужество прямо и открыто признать, что мы оказались в этом отношении позади правительства. Мы не сумели использовать имевшихся у нас сил для такой же активной, смелой, предприимчивой и наступательной борьбы за колеблющееся войско, которую повело и провело правительство. Мы готовили и будем еще упорнее готовить идейную «обработку» войска. Но мы окажемся жалкими педантами, если забудем, что в момент восстания нужна также и физическая борьба за войско.

Московский пролетариат дал нам в декабрьские дни великолепные уроки идейной «обработки» войска, — напр., 8-го декабря на Страстной площади, когда толпа

окружила казаков, смешалась с ними, браталась с ними и побудила уехать назад. Или 10-го на Пресне, когда две девушки-работницы, несшие красное знамя в 10 000-ной толпе, бросились навстречу казакам с криками: «убейте нас! живыми мы знамя не отдадим!». И казаки смутились и ускакали при криках толпы: «да здравствуют казаки!». Эти образцы отваги и героизма должны навсегда быть запечатлены в сознании пролетариата.

Но вот примеры нашей отсталости от Дубасова. 9-го декабря по Б. Серпуховской улице идут солдаты с Марсельезой присоединяться к восставшим. Рабочие шлют делегатов к ним. Малахов, сломя голову, скачет сам к ним. Рабочие опоздали, Малахов приехал вовремя. Он сказал горячую речь, он поколебал солдат, он окружил их драгунами, отвел в казармы и запер там. Малахов успел приехать, а мы не успели, хотя в два дня по нашему призыву встало 150 000 человек, которые могли и должны были организовать патрулирование улиц. Малахов окружил солдат драгунами, а мы не окружили Малаховых бомбистами. Мы могли и должны были сделать это, и с.-д. печать давно уже (старая «Искра»⁵) указывала на то, что беспощадное истребление гражданских и военных начальников есть наш долг во время восстания. То, что произошло на Б. Серпуховской улице, повторилось, видимо, в главных чертах и перед Невскихскими казармами, и перед Крутицкими, и при попытках пролетариата «снять» екатеринославцев, и при посылке делегатов к саперам в Александров, и при возвращении назад отправленной было в Москву ростовской артиллерии, и при обезоружении саперов в Коломне и так далее. В момент восстания мы были не на высоте задачи в борьбе за колеблющееся войско.

Декабрь подтвердил наглядно еще одно глубокое и забытое оппортунистами положение Маркса, писавшего, что восстание есть искусство и что главное правило этого искусства — отчаянно-смелое, бесповоротно-решительное *наступление*⁶. Мы недостаточно усвоили себе эту истину. Мы недостаточно учились сами и учили массы этому искусству, этому правилу наступления во что бы то ни стало. Мы должны наверстать теперь упущенное нами со всей энергией. Недостаточно группировок по отношению к политическим лозунгам, необхо-

дима еще группировка по отношению к вооруженному восстанию. Кто против него, кто не готовится к нему, — того надо беспощадно выкидывать вон из числа сторонников революции, выкидывать к противникам ее, предателям или трусам, ибо близится день, когда сила событий, когда обстановка борьбы заставит нас разделять врагов и друзей по этому признаку. Не пассивность должны проповедовать мы, не простое «ожидание» того, когда «перейдет» войско, — нет, мы должны звонить во все колокола о необходимости смелого наступления и нападения с оружием в руках, о необходимости истребления при этом начальствующих лиц и самой энергичной борьбы за колеблющееся войско.

Третий великий урок, который дала нам Москва, касается тактики и организации сил для восстания. Военная тактика зависит от уровня военной техники, — эту истину разжевал и в рот положил марксистам Энгельс⁷. Военная техника теперь не та, что была в половине XIX в. Против артиллерии действовать толпой и защищать с револьверами баррикады было бы глупостью. И Каутский прав был, когда писал, что пора пересмотреть после Москвы выводы Энгельса, что Москва выдвинула *«новую баррикадную тактику»*⁸. Эта тактика была тактикой партизанской войны. Организацией, которая обусловлена такой тактикой, были подвижные и чрезвычайно мелкие отряды: десятки, тройки, даже двойки. У нас часто можно встретить теперь социал-демократов, которые хихикают, когда речь заходит о пятках и тройках. Но хихиканье есть только дешевенький способ закрыть глаза на *новый* вопрос о тактике и организации, вызываемой уличной борьбой при современной военной технике. Вчитайтесь в рассказ о московском восстании, господа, и вы поймете, какую связь имеют «пятки» с вопросом о «новой баррикадной тактике».

Москва выдвинула ее, но далеко не развила, далеко не развернула в сколько-нибудь широких, действительно массовых размерах. Дружинников было мало, рабочая масса не получила лозунга смелых нападений и не применила его, характер партизанских отрядов был слишком однообразен, их оружие и их приемы недостаточны, их умение руководить толпой почти не развито. Мы должны наверстать все это и мы наверстаем, учась из опыта Москвы, распространяя этот опыт в массах,

вызывая творчество самих масс в деле дальнейшего развития этого опыта. И та партизанская война, тот массовый террор, который идет в России повсюду почти непрерывно после декабря, несомненно помогут научить массы правильной тактике в момент восстания. Социал-демократия должна признать и принять в свою тактику этот массовый террор, разумеется, организовав и контролируя его, подчиняя интересам и условиям рабочего движения и общереволюционной борьбы, устраняя и отсекая беспощадно то «босяческое» извращение этой партизанской войны, с которым так великолепно и так беспощадно расправлялись москвичи в дни восстания и латыши в дни пресловутых латышских республик.

Военная техника в самое последнее время делает еще новые шаги вперед. Японская война выдвинула ручную гранату. Оружейная фабрика выпустила на рынок автоматическое ружье. И та и другое начинают уже с успехом применяться в русской революции, но далеко в недостаточных размерах. Мы можем и должны воспользоваться усовершенствованием техники, научить рабочие отряды готовить массами бомбы, помочь им и нашим боевым дружинам запастись взрывчатыми веществами, запалами и автоматическими ружьями. При участии рабочей массы в городском восстании, при массовом нападении на врага, при решительной умелой борьбе за войско, которое еще более колеблется после Думы, после Свеаборга и Кронштадта, при обеспеченном участии деревни в общей борьбе — победа будет за нами в следующем всероссийском вооруженном восстании!

Будем же шире разворачивать нашу работу и смелее ставить свои задачи, усваивая уроки великих дней российской революции. В основе нашей работы лежит верный учет интересов классов и потребностей общенародного развития в данный момент. Вокруг лозунга: свержение царской власти и созыв революционным правительством учредительного собрания мы группируем и будем группировать все большую часть пролетариата, крестьянства и войска. Развитие сознания масс остается, как и всегда, базой и главным содержанием всей нашей работы. Но не забудем, что к этой общей, постоянной и основной задаче моменты, подобные переживаемому Россией, прибавляют особые, специальные

задачи. Не будем превращаться в педантов и филистеров, не будем отговариваться от этих особых задач момента, от этих специальных задач данных форм борьбы посредством бессодержательных ссылок на наши всегдашние и неизменные при всех условиях, во все времена, обязанности.

Будем помнить, что близится великая массовая борьба. Это будет вооруженное восстание. Оно должно быть, по возможности, единовременно. Массы должны знать, что они идут на вооруженную, кровавую, отчаянную борьбу. Презрение к смерти должно распространиться в массах и обеспечить победу. Наступление на врага должно быть самое энергичное; нападение, а не защита, должно стать лозунгом масс, беспощадное истребление врага — станет их задачей; организация борьбы сложится подвижная и гибкая; колеблющиеся элементы войска будут втянуты в активную борьбу. Партия сознательного пролетариата должна выполнить свой долг в этой великой борьбе.

*«Пролетарий» № 2,
29 августа 1906 г.*

*Печатается по тексту Полного
собрания сочинений В. И. Ленина,
т. 13, с. 369—377*

НА ДОРОГУ

Год развала, год идейно-политического разброда, год партийного бездорожья лежит позади нас. Организации партии все сократились в числе членов, некоторые — именно состоящие наименее из пролетариев — развалились. Созданные революцией полуоткрытые учреждения партии терпели провал за провалом. Дошло до того, что для некоторых, поддавшихся влиянию распада, элементов внутри партии стало вопросом, надо ли сохранить прежнюю с.-д. партию, надо ли продолжать *ее* дело, надо ли идти опять в подполье и как это сделать, — и на этот вопрос крайние правые давали ответ в смысле легализации во что бы то ни стало, ценой даже явного отказа от партийной программы, тактики и организации (так называемое, ликвидаторское течение). Кризис был, несомненно, не только организационный, но и идейно-политический.

Недавно состоявшаяся Всероссийская конференция РСДРП выводит партию на дорогу и представляет из себя, видимо, поворотный пункт в развитии русского рабочего движения после победы контрреволюции. Решения конференции, напечатанные в особом «Извещении», изданном Центральным Комитетом нашей партии, утверждены ЦК и являются, следовательно, до следующего съезда решениями всей партии. В этих решениях дан вполне определенный ответ на вопрос о причинах и значении кризиса, а также о средствах

выхода из него. Работая в духе резолюций конференции, добиваясь ясного и полного сознания *всеми* партийными работниками современных задач партии, наши организации сумеют укрепить и сплотить свои силы для дружной и живой революционно-социал-демократической работы.

Основная причина кризиса партии указана в мотивах организационной резолюции. Эта основная причина заключается в чистке рабочей партии от колеблющихся интеллигентских и мелкобуржуазных элементов, которые примкнули к рабочему движению, главным образом, в надежде на близкое торжество буржуазно-демократической революции и которые не могли устоять в период реакции. Неустойчивость сказалась и в области теории («отступления от революционного марксизма»: резолюция о современном моменте), и в области тактики («укорачивание лозунгов»), и в области организационной политики партии. Сознательные рабочие дали отпор этой неустойчивости, выступили решительно против ликвидаторства, стали брать в свои руки ведение дел партийных организаций и руководство ими. Если сразу это коренное ядро нашей партии не смогло осилить элементов разброда и кризиса, то это не только потому, что велика и трудна была задача при торжестве контрреволюции, но и потому, что некоторое равнодушие к партии проявилось в среде тех рабочих, которые были настроены революционно, но обладали недостаточной социалистической сознательностью. Именно к сознательным рабочим России и обращены в первую голову решения конференции, как сложившееся мнение социал-демократии о средствах борьбы с разбродом и шатаниями.

Марксистский анализ современного взаимоотношения классов и новой политики царизма; — указание ближайшей цели борьбы, которую ставит себе по-прежнему наша партия; — оценка уроков революции в вопросе о правильности революционно-социал-демократической тактики; — выяснение причин партийного кризиса и указание на роль пролетарского элемента партии в борьбе с ним; — решение вопроса о соотношении нелегальной и легальной организации; — признание необходимости использовать думскую трибуну и выработка точных руководящих указаний для нашей думской фракции в

связи с прямой критикой ее ошибок; — таково главное содержание решений конференции, дающих полный ответ на вопрос о выборе партией рабочего класса твердого пути в переживаемое тяжелое время. Рассмотрим внимательнее этот ответ.

Взаимоотношение классов в их политической группировке остается тем же, какое характерно для пережитого периода прямой революционной борьбы масс. Громадное большинство крестьянства не может не стремиться к такому аграрному перевороту, который уничтожил бы полукрепостническое землевладение и который неосуществим без свержения царской власти. Торжество реакции придавило особенно сильно демократические элементы крестьянства, неспособного к прочной организации, но, несмотря на весь гнет, несмотря на черносотенную Думу, несмотря на крайнюю неустойчивость трудовиков, революционность крестьянских масс видна ясно даже из прений в III Думе. Основная позиция пролетариата по отношению к задачам буржуазно-демократической революции в России остается неизменной: руководить демократическим крестьянством, вырывать его из-под влияния либеральных буржуа, партии к.-д., продолжающей сближаться, несмотря на мелкие частные ссоры, с октябристами и, в самое последнее время, стремящейся создать национал-либерализм, поддерживать царизм и реакцию путем шовинистической агитации. Борьба по-прежнему ведется — говорит резолюция — за полное уничтожение монархии и завоевание политической власти пролетариатом и революционным крестьянством.

Самодержавие по-прежнему стоит, как главный враг пролетариата и всей демократии. Но было бы ошибкой думать, что оно остается прежним. Столыпинская «конституция» и столыпинская аграрная политика знаменуют новый этап в разложении старого полунатриархального, полукрепостнического царизма, новый шаг по пути превращения его в буржуазную монархию. Делегаты Кавказа, желавшие либо совсем удалить такую характеристику момента, либо поставить «плутократический» на место «буржуазный», стояли на неверной точке зрения. Плутократическим самодержавие было давным-давно, буржуазным — по своей аграрной политике и по прямому, организованному в общенацио-

нальном масштабе, союзу с известными слоями буржуазии — оно становится только после первого этапа революции, под влиянием ударов ее. Самодержавие издавна вскармливало буржуазию, буржуазия издавна пробивала себе рублем и доступ к «верхам», и влияние на законодательство и управление, и места наряду с благородным дворянством, но своеобразность настоящего момента состоит в том, что самодержавию пришлось создать представительное учреждение для определенных слоев буржуазии, пришлось эквилибрировать между ними и крепостниками, организовывать в Думе союз этих слоев, пришлось проститься со всякой надеждой на патриархальность мужика и искать опоры против деревенской массы у богатеев, разоряющих общину.

Самодержавие прикрывает себя якобы конституционными учреждениями, но в то же время на деле получается невиданное еще разоблачение его классовой сущности, благодаря союзу царя с Пуришкевичами и Гучковыми, и только с ними. Самодержавие пытается взять на себя решение объективно необходимых задач буржуазной революции — создание народного представительства, действительно заведующего делами буржуазного общества, и чистку средневековых, запутанных и обветшавших аграрных отношений в деревне; но именно практический результат новых шагов самодержавия оказывается до сих пор равным нулю, и это только еще нагляднее показывает необходимость иных сил и иных средств для решения исторической задачи. Самодержавие противопоставлялось до сих пор в сознании миллионных, не искушенных в политике, масс народному представительству вообще; теперь борьба суживает свою цель, определяет конкретнее свою задачу, как борьбу за власть в государстве, определяющую характер и значение самого представительства. Вот почему III Дума знаменует особый этап в разложении старого царизма, в усилении его авантюристичности, в углублении старых революционных задач, в расширении поприща борьбы (и числа участников борьбы) за эти задачи.

Этот этап должен быть изжит; новые условия момента требуют новых форм борьбы; использование думской трибуны представляется безусловной необходимостью; длительная работа по воспитанию и организации масс

пролетариата выдвигается на первый план; сочетание нелегальной и легальной организации выдвигает перед партией особые задачи; популяризация и разъяснение опыта революции, дискредитируемой либералами и ликвидаторами-интеллигентами, необходимы и в теоретических и в практических целях. Но тактическая линия партии, которая должна суметь учесть новые условия в приемах и средствах борьбы, остается неизменной. Правильность революционно-социал-демократической тактики — говорит одна из резолюций конференции — подтверждена опытом массовой борьбы 1905—1907 годов. Поражение революции в итоге этой первой кампании обнаружило не неверность задач, не «утопичность» ближайших целей, не ошибочность средств и приемов, а недостаточную подготовленность сил, недостаточную глубину и ширину революционного кризиса, — а над углублением и расширением его Столыпин и К^о работают с самым достохвальным усердием! Пусть либералы и растерявшиеся интеллигенты после первого действительно массового сражения за свободу падают духом и твердят трусливо: не идите туда, где были раз разбиты, не становитесь снова на этот роковой путь. Сознательный пролетариат ответит им: великие войны в истории, великие задачи революций решались только тем, что передовые классы не раз и не два повторяли свой натиск и добивались победы, наученные опытом поражений. Разбитые армии хорошо учатся. Революционные классы России разбиты в первой кампании, но революционное положение остается. В новых формах и иным путем — иногда гораздо более медленно, чем мы бы желали — революционный кризис надвигается еще раз, назревает снова. Длительная работа подготовки к нему более широких масс, подготовки более серьезной, учитывающей более высокие и более конкретные задачи, должна быть выполнена нами, и, чем успешнее будет она выполнена, тем вернее будет победа в новой борьбе. Русский пролетариат может гордиться тем, что в 1905 году под его руководством нация рабов превратилась впервые в нападающую на царизм рать миллионов, в армию революции. И тот же пролетариат сумеет теперь выполнить выдержанно, стойко, терпеливо работу воспитания и подготовки новых кадров более могучей революционной силы.

Использование думской трибуны входит, как мы уже указали, необходимой составной частью в эту работу воспитания и подготовки. Резолюция конференции о думской фракции указывает нашей партии ту дорогу, которая всего ближе — если искать примеров в истории — к опыту немецких социал-демократов при исключительном законе. Нелегальная партия должна суметь использовать, должна научиться использовать легальную думскую фракцию, должна воспитать из этой последней стоящую на высоте своих задач партийную организацию. Самой ошибочной тактикой, самым печальным уклонением от выдержанной пролетарской работы, предписываемой условиями переживаемого момента, было бы ставить вопрос об отзыве фракции (на конференции было два «отзовиста», не поставивших прямо этого вопроса) или отказаться от прямой и открытой критики ее ошибок, от перечня их в резолюции (на конференции этого добивались некоторые делегаты). Резолюция вполне признает, что у фракции были и такие ошибки, за которые не она одна ответственна и которые вполне сходны с неизбежными ошибками всех наших партийных организаций. Но есть другие ошибки — отступления от *политической линии* партии. Раз эти отступления имели место, раз они сделаны организацией, выступающей открыто от имени всей партии, — партия обязана была ясно и точно сказать, что это были уклонения. В истории западноевропейских социалистических партий бывали не раз примеры ненормальных отношений парламентских фракций к партии; до сих пор в романских странах эти отношения сплошь да рядом ненормальны, фракции недостаточно партийны. Мы должны сразу поставить иначе дело создания социал-демократического парламентаризма в России, сразу приняться за дружную работу в этой области, — чтобы всякий с.-д. депутат на деле чувствовал, что партия стоит за ним, болеет его ошибками, заботится о выправлении его дороги, — чтобы каждый партийный работник участвовал в общей думской работе партии, учился на деловой марксистской критике ее шагов, чувствовал свою обязанность помогать ей, добивался соподчинения специальной работы фракции всей пропагандистской и агитационной деятельности партии.

Конференция была первым авторитетным собранием делегатов от крупнейших организаций партии, обсуждавшим деятельность думской с.-д. фракции за целую сессию. И решение конференции показывает ясно, как будет ставить свою думскую работу наша партия, какие строгие требования предъявляет она в этой области к себе самой и к фракции, как неуклонно и выдержанно намерена она работать над воспитанием действительно социал-демократического парламентаризма.

Вопрос об отношении к думской фракции имеет тактическую и организационную сторону. В этом последнем отношении резолюция о думской фракции есть вновь лишь применение к частному случаю общих принципов организационной политики, установленных конференцией в резолюции о директивах по организационному вопросу. Два основных течения в РСДРП констатированы конференцией по этому вопросу: одно — переносящее центр тяжести на нелегальную партийную организацию, другое — более или менее родственное ликвидаторству — переносящее центр тяжести на легальные и полуполигальные организации. Дело в том, что современный момент характеризуется, как мы уже указали, уходом из партии некоторого числа партийных работников, особенно из интеллигенции, но частью и из рабочих. Ликвидаторское течение ставит вопрос, лучшие ли, наиболее активные элементы покидают партию и выбирают поприщем деятельности легальные организации, или уходят из партии «колеблющиеся интеллигентские и мелкобуржуазные элементы»? Нечего и говорить, что, решительно отвергнув и осудив ликвидаторство, конференция ответила в последнем смысле. Наиболее пролетарские элементы партии, наиболее выдержанные принципиально и наиболее социал-демократические элементы интеллигенции остались верны РСДРП. Уход из партии есть чистка ее, освобождение от наименее устойчивых, от ненадежных друзей, от «попутчиков» (Mitläufer'ов), которые всегда примыкали на время к пролетариату, рекрутируясь из мелкой буржуазии или из числа «деклассированных», т. е. людей, выбитых из колеи того или иного определенного класса.

Из этой оценки партийно-организационного принципа само собой вытекает и линия организационной политики, принятая конференцией. Укрепление нелегальной

партийной организации, создание партийных ячеек во всех областях работы, создание в первую голову «чисто партийных, хотя бы немногочисленных, рабочих комитетов в каждом промышленном предприятии», сосредоточение руководящих функций в руках руководителей социал-демократического движения из среды самих рабочих,— такова задача дня. И, разумеется, задачей этих ячеек и комитетов должно быть использование всех полулегальных и, по возможности, легальных организаций, поддержание «тесной связи с массами», направление работы таким образом, чтобы социал-демократия откликалась на все запросы масс. Каждая ячейка и каждый партийный рабочий комитет должны стать «опорным пунктом для агитационной, пропагандистской и практически-организационной работы среди масс», т. е. непременно идти туда, куда идет масса, и стараться на каждом шагу толкать ее сознание в направлении социализма, связывать каждый частный вопрос с общими задачами пролетариата, превращать каждое организационное начинание в дело *классового* сплочения, завоевывать себе своей энергией, своим идейным влиянием (а не своими званиями и чинами, конечно) руководящую роль во всех пролетарских легальных организациях. Пусть иногда эти ячейки и комитеты будут очень немногочисленны, зато между ними будет связь партийной традиции и партийной организации, определенная классовая программа; и два-три партийных социал-демократа сумеют не расплыться, таким образом, в бесформенной легальной организации, а вести при всех условиях, при всяких обстоятельствах, при всевозможных положениях свою *партийную* линию, воздействовать на среду в духе всей партии, а не давать среде поглотить себя.

Можно распустить массовые организации того или иного вида, можно затравить легальные профессиональные союзы, можно полицейскими придирками испортить всякое открытое начинание рабочих при режиме контрреволюции, но никакая сила в мире не устранил массового скопления рабочих в капиталистической стране, а таковой стала уже Россия. Так или иначе, легально или полулегально, открыто или прикрито, рабочий класс найдет себе те или иные пункты сплочения,— везде и всегда будут идти впереди массы сознательные

партийные эсдеки, везде и всегда будут они сплачиваться между собою для воздействия на массу в партийном духе. И социал-демократия, доказавшая в открытой революции, что она есть партия класса, сумевшая повести за собой миллионы и на стачку, и на восстание в 1905, и на выборы в 1906—1907 гг., сумеет и теперь остаться партией класса, партией масс, остаться авангардом, который в самые тяжелые времена не оторвется от всей армии, сумеет помочь ей преодолеть эти тяжелые времена, снова сплотить ее ряды, приготовить новых и новых борцов.

Пусть ликуют и воют черносотенные зубры в Думе и вне Думы, в столице и захолустье, пусть бешенствует реакция,— ни одного шагу не может делать премудрый г. Столыпин, не приближая к падению эквилибрирующее самодержавие, не запутывая нового клубка политических невозможностей и нелепиц, не прибавляя новых и свежих сил в ряды пролетариата, в ряды революционных элементов крестьянской массы. Партия, которая сумеет укрепиться для выдержанной работы в связи с массами, партия передового класса, которая сумеет организовать его авангард, которая направит свои силы так, чтобы воздействовать в социал-демократическом духе на каждое проявление жизни пролетариата, эта партия победит во что бы то ни стало.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Коалиционный Совет боевых дружин возник в Москве в конце октября 1905 года. Созданный вначале для практической борьбы против «черной сотни», этот орган был сохранен и на время декабрьского восстания. В состав коалиционного Совета дружин входили представители партийных дружин Московского комитета РСДРП, Московской группы социал-демократов, Московского комитета партии эсеров, а также дружин под названием «Вольная районная», «Университетская», «Типографская» и «Кавказская». Эсеро-меньшевистское большинство коалиционного Совета дружин вносило дезорганизацию в его деятельность; в дни декабрьского вооруженного восстания Совет дружин оказался в хвосте революционных событий и не сумел выполнить роли общего оперативного штаба восстания.— 4.

² В. И. Ленин приводит положение из работы К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» (см. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 7).— 4.

³ Вечером 8 (21) декабря 1905 года солдаты и полиция оцепили сад «Аквариум» (на Садово-Триумфальной площади), где в это время в помещении театра проходил многолюдный митинг. Кровавой пролития удалось избежать благодаря самоотверженным действиям рабочей дружины, охранявшей митинг; имевшим оружие дали возможность скрыться через разобранный забор, однако остальные участники митинга, выходившие через ворота, подверглись обыскам, избиениям, многие были арестованы.— 4.

⁴ Помещение училища Фидлера (у Чистых Прудов) было постоянным местом партийных митингов и собраний. Вечером 9 (22) декабря 1905 года дом Фидлера, где в это время

проходил митинг, был окружен войсками. После того как участники митинга, среди которых преобладали дружинники, отказались сдаться и забаррикадировали помещение, войска подвергли здание артиллерийскому и пулеметному обстрелу. Во время разгрома здания было убито и ранено более тридцати человек; 120 человек было арестовано.— 4.

⁵ «Искра» (старая) — первая общерусская нелегальная марксистская газета, основанная В. И. Лениным в 1900 году и сыгравшая решающую роль в создании революционной марксистской партии рабочего класса России.

Первый номер ленинской «Искры» вышел в декабре 1900 года в Лейпциге, последующие номера выходили в Мюнхене, с июля 1902 года — в Лондоне и с весны 1903 года — в Женеве. Большую помощь в постановке газеты (организации тайной типографии, приобретении русского шрифта и т. п.) оказали германские социал-демократы К. Цеткин, А. Браун и др., польский революционер Ю. Мархлевский, живший в те годы в Мюнхене, и Г. Квелч — один из руководителей английской социал-демократической федерации.

В редакцию «Искры» входили: В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, Л. Мартов, П. Б. Аксельрод, А. Н. Потресов и В. И. Засулич. Секретарем редакции сначала была И. Г. Смидович-Леман, а затем, с весны 1901 года, Н. К. Крупская, ведавшая также всей перепиской «Искры» с русскими социал-демократическими организациями. В центре внимания «Искры» стояли вопросы революционной борьбы пролетариата и всех трудящихся России против царского самодержавия, большое внимание уделялось важнейшим событиям международной жизни, главным образом международного рабочего движения. Ленин был фактически главным редактором и руководителем «Искры», выступал со статьями по всем основным вопросам строительства партии и классовой борьбы пролетариата России.

«Искра» стала центром объединения партийных сил, собрания и воспитания партийных кадров. В ряде городов России (Петербург, Москва, Самара и др.) были созданы группы и комитеты РСДРП ленинско-искровского направления; в январе 1902 года на съезде искровцев в Самаре была основана русская организация «Искры». Искровские организации возникали и работали под непосредственным руководством учеников и соратников Ленина — Н. Э. Баумана, И. В. Бабушкина, С. И. Гусева, М. И. Калинина, П. А. Красикова, Г. М. Крижановского, Ф. В. Ленгника, П. Н. Лепешинского, И. И. Радченко и др.

По инициативе Ленина и при его непосредственном участии редакция «Искры» разработала проект программы партии (опубликован в № 21 «Искры») и подготовила II съезд РСДРП. Ко времени созыва съезда большинство местных социал-демократических организаций России присоединилось к «Искре», одобрило ее тактику, программу и организационный план, признало ее своим руководящим органом. В специальном постановлении съезд отметил исключительную роль «Искры» в борьбе за партию и объявил ее Центральным Органом РСДРП.

Вскоре после II съезда партии меньшевики при поддержке Плеханова захватили «Искру» в свои руки. С пятьдесят

второго номера «Искра» перестала быть боевым органом революционного марксизма.— 7.

⁶ Имеется в виду работа «Революция и контрреволюция в Германии», написанная Ф. Энгельсом (см. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 100). «Революция и контрреволюция в Германии» была опубликована в 1851—1852 годах серией статей в газете «New-York Daily Tribune» за подписью Маркса, который первоначально собирался написать это произведение сам, но занятый экономическими исследованиями, передал работу над статьями Энгельсу. При написании этого произведения Энгельс постоянно советовался с Марксом, а также давал ему на просмотр статьи перед отправкой их в печать. Только в 1913 году в связи с опубликованием переписки между Марксом и Энгельсом стало известно, что «Революция и контрреволюция в Германии» написана Энгельсом.— 7.

⁷ Это положение неоднократно развивалось Ф. Энгельсом в ряде его произведений, в частности в работе «Анти-Дюринг».— 8.

⁸ Об этом В. И. Ленин более подробно говорит в своей работе «Русская революция и задачи пролетариата» (см. Полн. собр. соч., т. 12, с. 215—216).— 8.

СОДЕРЖАНИЕ

Уроки московского восстания	3
На дорогу	11
<i>Примечания</i>	20

Владимир Ильич Ленин

УРОКИ МОСКОВСКОГО ВОССТАНИЯ.
НА ДОРОГУ

Ответственная за выпуск *В. Г. Букатова*
Художественный редактор *Е. А. Андрусенко*
Технический редактор *Е. Ф. Леонова*
Корректоры *В. К. Волошина, Н. А. Жигальцова*

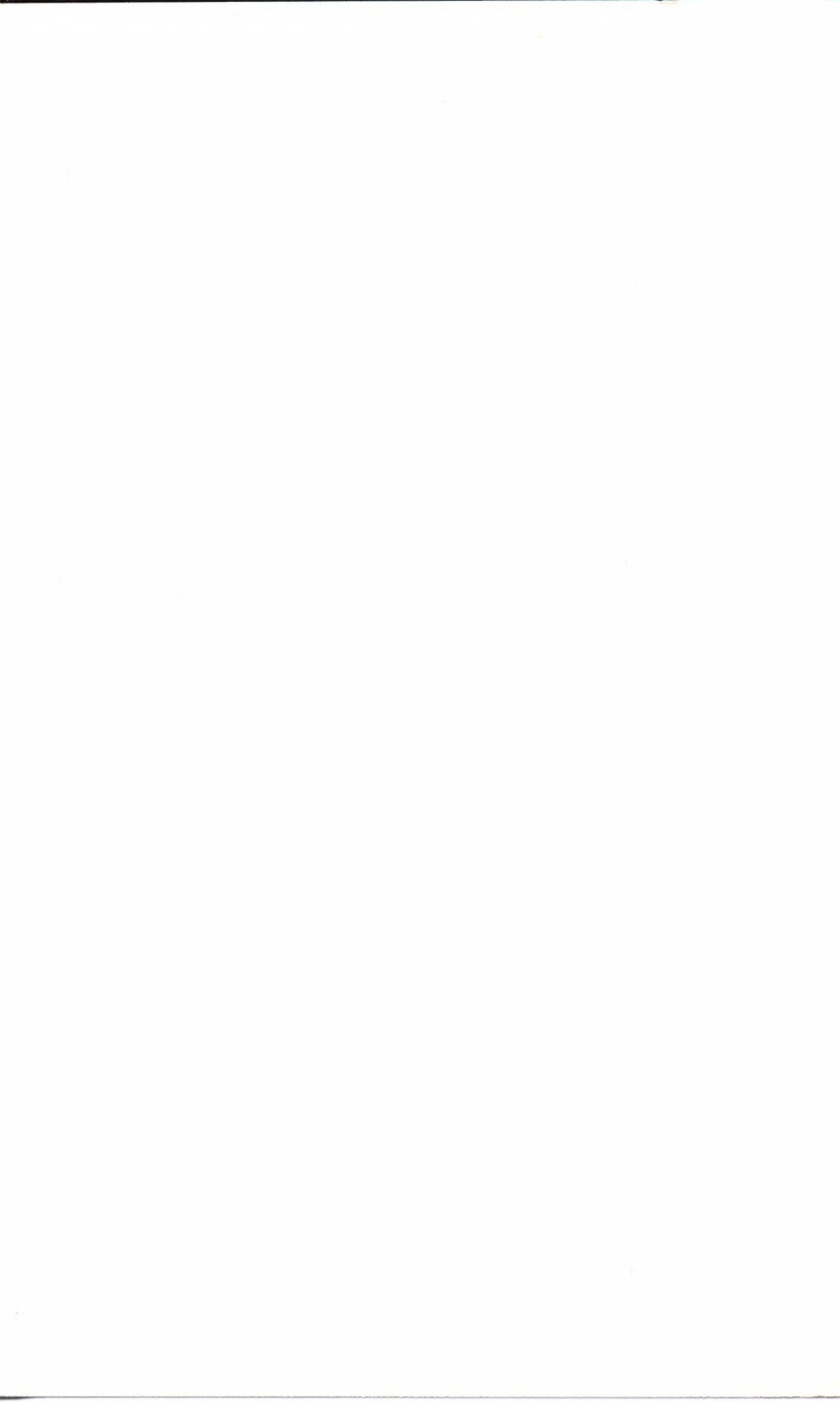
ИБ № 3952

Подписано в печать с матриц 24.08.83. Формат
84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарниту-
ра «Обыкновенная новая». Печать высокая.
Условн. печ. л. 1,26. Условн. кр.-отт. 1,47.
Учетно-изд. л. 1,0. Тираж 100 тыс. экз. За-
каз № 3809. Цена 3 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47,
Миусская пл., 7.

Ордена Ленина
типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

3 коп.

